

После полудня Ли Цзяньхун повел Дуань Лина в лучший ресторан империи Ляо, чтобы перекусить. Дуань Лин облокотился на перила и стал смотреть на улицу.

— Папа, я слышал, что отец Бату сильно избил его, и он больше ко мне не приходит.

— Он не приходит к тебе, потому что его заперли, — обыденным тоном сказал Ли Цзяньхун. — Его отец, Джучи, сам по себе жестокий человек. Теперь, когда его отправили сюда, в Шанцзин, в качестве заложника и относятся к нему с пренебрежением, он может вымещать злость только на своем ребенке.

— Тогда... почему возле его дома дежурят люди и никого не пускают?

— Они боятся, что он сбежит.

Ли Цзяньхун посмотрел через дорогу на усадьбу Борджигинов. Внутри было собрано множество войск, а охрана усилена.

— Напряжение на границе Юань и Ляо все больше обостряется, — объяснил Ли Цзяньхун. — Война может начаться уже в этом месяце.

— Почему ты так думаешь?

— Это предположение. В регионе к северу от Алтынтага сейчас весна; монголам только что удалось пережить зиму, поэтому с наступлением весны они должны развернуть свои войска, иначе начнут голодать.

— А что будет, если начнется война? — спросил Дуань Лин. — Бату будет в опасности?

— Император Ляо несовершеннолетний, вдовствующая императрица исполняет обязанности регента, а военное дело находится в руках Северного принца Елюй Даши, так что все зависит от его состояния духа. Если он будет в дурном настроении, потерпев поражение, то, вернувшись, устроит дому Борджигин расправу — не исключено, что даже отрубит им всем головы.

Дуань Лин быстро пришел в волнение и всю дорогу домой переживал. Когда они добрались до дома, Ли Цзяньхун задумался.

— Ты хочешь спасти его?

— Как? Папа, ты можешь его спасти?

Ли Цзяньхун наклонился во дворе, чтобы ополоснуть лицо, и, даже не поднимая головы, сказал:

— Не я буду его спасать. Его спасешь ты.

— Но как я должен его спасти?

— Да.

Ли Цзяньхун закончил мыть лицо и пошел в коридор, чтобы вытереть руки.

— Как ты собираешься его спасти? Тебе нужно время, чтобы подумать об этом.

Дуань Лин на мгновение замолк и произнес:

— Было бы здорово, если бы Лан Цзюнься был здесь, трое всегда лучше, чем двое...

Ли Цзяньхун серьезно сказал:

— Пожалуйста, не вспоминай о Лан Цзюнься в такое время. Твой отец, по меньшей мере, лучший мечник Южной Чэнь, и то, что мой сын целыми днями сравнивает его с убийцей, очень угнетает.

Дуань Лин снова замолчал.

—Хм...

— Айо, просто придумай что-нибудь, хорошо? Ты читал книги по стратегии? Слушал рассказчиков? Я назначаю тебе великого воина прямо сейчас. А как ты будешь им командовать — как ослом или как собакой, — придумай сам.

Дуань Лин засмеялся, но Ли Цзяньхун помрачнел.

— Над чем ты смеешься? Великий воин не вступает в бой по любому пустяку. Во всем мире этот мастер меча будет выполнять только твои приказы. Когда мы вернемся, ты даже будешь мне должен.

Ли Цзяньхун поднял руку и потер большой и указательный пальцы, указывая на Дуань Лина, мол, как только дело будет завершено, тот окажет ему услугу. Лицо Дуань Лина окрасилось удивлением, но Ли Цзяньхун не обратил на него внимания и отправился на задний двор стирать его белье. Дуань Лин некоторое время стоял, глядя в пустоту, но когда он понял, о чем

говорил ему отец, в глубине его души зародилось сильное чувство волнения, и он побежал в дом за кистью и бумагой.

— Папа!

— Да, сын, — невнимательно ответил Ли Цзяньхун, занимаясь стиркой.

Дуань Лин выбежал, на карте, которую он держал в руках, был нарисован путь, а также множество крошечных фигурок, изображающих стражников у поместья Борджигин.

— Это стратегическая карта. Зачем ты сделал людей такими красивыми? Просто нарисуй несколько треугольников.

Дуань Лин кивнул и объяснил:

— Сначала мы должны вывести их, а потом придумать, как отправить их за город после того, как утром откроются ворота. Это их дом. Разве мы не пили здесь чай после обеда?

— Тогда где мы их спрячем, когда выведем? — спросил Ли Цзяньхун. — В нашем доме?

— Наш дом слишком далеко от городских ворот, и у нас даже нет подвала — здесь трудно кого-то спрятать. Если узнают, что Борджигины сбежали, то обязательно будут обыскивать дом за домом; и непричастные люди не смогут покинуть город.

— Хм. Довольно умно с твоей стороны, — беззаботно улыбнулся Ли Цзяньхун.

— Беспокоит то, что завтра утром они опечатают город, поэтому мы спрячем их здесь! Это недалеко от городских ворот, и мы сможем проводить их, не вызывая подозрений!

— Это может сработать! Давай так и сделаем. Отец сейчас вынесет мусор, а потом пойдет их спасать.

Дуань Лин погнался за ним.

— Ты не видел, на что я указывал! На Прославленный зал!

Ли Цзяньхун повесил выстиранную одежду и выбросил мусор.

— Ты знаешь, как устроен Зал, поэтому, естественно, это самое подходящее место для укрытия. Пойдем.

— А? Ты не собираешься прикрыть лицо? Разве не все убийцы закрывают свои лица?

Ли Цзяньхун ответил:

— Это делают только отбросы.

— Хм...

Дуань Лин знал, что если пойдет с ним, то только помешает Ли Цзяньхуну, поэтому он попытался передать ему карту.

— Иди по этому пути...

— Не запомню.

Ли Цзяньхун легко перекинул Дуань Лина через плечо, как мешок с рисом, в два шага забрался по стене, на третий оказался на крыше, а затем исчез в ночи, словно ступая по ровной земле.

Дуань Лин едва не вскрикнул, но, к счастью, ему удалось сдержать себя. Пробежав несколько шагов, Ли Цзяньхун снова опустился на землю и с Дуань Лином на спине стремительно помчался по многочисленным переулкам. Свернув с дороги, он забежал в чей-то двор и поднял лай собаки.

— Айо! — произнес Ли Цзяньхун. — Какая огромная собака. Звучит страшнее, чем Хубилай*.

* Монгольский хан, основатель монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай. Родился уже после смерти хана Бату.

Дуань Лин не знал, что на это ответить.

— Спускайся, — сказал Ли Цзяньхун.

Они в мгновение ока добрались до переулка рядом с резиденцией Борджигинов. Ли Цзяньхун опустился на одно колено, обнял Дуань Лина за талию, предлагая ему держаться за эмблему, закрепленную на конце конька крыши, и застыл на месте.

— Папа, мы забыли твой меч. Может, нам вернуться и взять его?

— Он не нужен.

Ли Цзяньхун посмотрел на луну. Так получилось, что сегодня было пятнадцатое число, и полная луна освещала землю.

— Какая светлая ночь, — пробормотал про себя Ли Цзяньхун.

— Вон там есть тени, которые могут скрыть движение.

Дуань Лин указал на другую часть поместья, и Ли Цзяньхун тихонько хмыкнул в знак признательности.

В переулке мимо прошли киданьские солдаты, и Дуань Лин указал себе под ноги, чтобы напомнить Ли Цзяньхуну быть осторожным.

Тот прошептал «подожди здесь» и сунул ему в руки сверток с закусками, давая понять, что он может перекусить, если ему скучно. Как Дуань Лин мог есть в таких условиях? Он убрал сверток под лацкан, и Ли Цзяньхун исчез быстрее, чем он успел моргнуть.

Когда отряд киданьских воинов зашел за угол, последний в очереди получил удар рукой по шее, и Ли Цзяньхун потащил его назад, прячась в тени. Сняв со спины солдата лук и колчан, а затем убрав длинный меч с его пояса, одной рукой он проверил вес меча, а другой подбросил его над головой. Дуань Лин, больше всего нервничая, протянул руку, чтобы поймать его, но не успел. Ли Цзяньхун снова подбросил его вверх. И тот по-прежнему не смог поймать его.

С третьего броска он наконец словил его.

Ли Цзяньхун показал ему большой палец вверх, говоря, что он молодец.

Дуань Лин вспотел от стыда.

Ли Цзяньхун снова запрыгнул на стену, схватил несколько стрел, отломил наконечники и выбросил их, оставляя голые палки, а затем наложил и натянул. Сердце Дуань Лина разом подпрыгнуло к самому горлу.

Стрела вылетела и почти неслышно ударилась о верхушку дерева в саду. Ли Цзяньхун тут же повернулся к другому дереву и, выпустив три стрелы подряд, сбил с ног трех скрытых дозорных, каждый из которых повис на своей ветке. Ли Цзяньхун снова взобрался на карниз и, прижавшись одной рукой к черепице, скрыл свою стройную фигуру за краем крыши, растворяясь в ночи.

— У них начало пересменки. Можешь спускаться.

Дуань Лин прошептал:

— У нас есть всего лишь восьмая часть часа. Папа, мне продолжать ждать здесь?

Ли Цзяньхун забрал у него меч.

— Мы не будем подниматься на крышу на обратном пути. Прыгай!

Ли Цзяньхун взял веревку, которую нашел у киданьского солдата, и бросил ее, обматывая вокруг перевернутого карниза. Дуань Лин обхватил отца за талию, и они вдвоем по широкой дуге перелетели через киданьских солдат и упали во двор поместья Борджигинов.

Как только они опустились на землю, Ли Цзяньхун выхватил длинный меч, ножны и все остальное; Дуань Лин только лицезрел, как что-то пронеслось мимо, а два киданьских солдата уже упали. Взяв Дуань Лина за руку и пробежав на три шага вперед, Ли Цзяньхун приказал ему:

— Прыгай еще!

Вместе перескочив через ограду двора, они вышли в коридор. Ли Цзяньхун одной рукой держал Дуань Лина, а другой длинный меч, и, небрежно проведя им пару раз, он отправил в нокаут еще одного человека. Внутри поместья тоже патрулировали киданьские солдаты, и, прижав к себе Дуань Лина, Ли Цзяньхун присел и спрятался под подоконником.

В зале горел свет, были слышны разговоры людей. Ли Цзяньхун повернулся и посмотрел на Дуань Лина, его глаза были полны восхищения, но он не решался произнести ни слова. Ли Цзяньхун заметил, что его лицо испачкано, и небрежно его вытер.

Дуань Лин услышал голос Бату, доносящийся из комнаты.

Тот был сильно взволнован, говорил по-монгольски, затем раздался звук разбившейся о пол чашки.

— Это он? — спросил Ли Цзяньхун.

— Это он! — ответил Дуань Лин.

Ли Цзяньхун встал и подошел к двери в зал, все еще держа за руку Дуань Лина, и, повернувшись в сторону, сделал выпад, ладонь легла на спину охранника у двери сначала мягким толчком, от которого тот потерял сознание, и тут же превратилась в жесткую силу, от которой тот беззвучно полетел и приземлился за клумбой.

Дуань Лин развернулся и устремился в зал, а Ли Цзяньхун следовал за ним по пятам.

— Бату!

Вбежав в зал, Дуань Лин с удивлением обнаружил, что здесь тоже дежурили стражники!

Бурная ссора Бату и его отца спонтанно прекратилась. Встревоженный, Дуань Лин остановился и повернулся, чтобы побежать к Ли Цзяньхуну, но тот сделал один шаг в зал, и взмахом руки деревянные шахматные фигуры в его руках разлетелись в сторону киданьских солдат подобно дождю лепестков, сбивая четырех надзирателей на пол.

— Дуань Лин? — произнес Бату, ошеломленный.

— Пошли! — сказал Дуань Лин. — Мы пришли, чтобы спасти вас!

Вид Дуань Лина был убедительнее всего, что мог бы сказать Ли Цзяньхун. Бату бросил на отца взгляд, а затем решительно развернулся и пошел за Дуань Лином.

— Я пойду соберу вещи, — произнес Бату. — Подожди меня здесь.

— Нет времени! — яростно возразил Дуань Лин.

Вскоре за ними выбежал отец Бату, Боджигин Джучи, и Ли Цзяньхун вежливо кивнул ему, протягивая руку в знак уважения и предлагая бежать впереди него*.

* Здесь используются слова 敬酒, обыгрывающие фразу 敬酒, которую произносят, когда пьют с кем-то. «Я пью первым в знак уважения». Ли Цзяньхун здесь, по сути, говорит: «Прояви уважение ко мне, выпей первым».

В коридоре Бату остановился, и Дуань Лин взял его за руку.

— Хорошо, — принял решение Бату. — Пойдем.

Дуань Лин сказал:

— Давай сначала найдем твою маму.

Бату остановился, глядя в пол. Дуань Лин не понимал, что происходит; он раскачивал их соединенные руки взад-вперед и чувствовал, как пальцы Бату слегка сжимали его собственные.

Бату поднял голову и сказал ему:

— Она уже ушла.

С Дуань Лина свалилась огромная ноша — в конце концов, бежать с двумя по крайней мере безопаснее, чем с тремя. Он оглянулся на Ли Цзяньхуна, и тот указал на задний двор.

Ли Цзяньхун уже вырубил всех охранников на своем пути. Джучи бросил взгляд на землю, усыпанную бессознательными стражниками, и, охваченный непостижимым негодованием, выхватил оружие, но Ли Цзяньхун легко заблокировал его мечом.

— Ш-ш-ш...

Он пытался сказать ему, что они не должны больше создавать помех, но взгляд Джучи устремился на него.

Ли Цзяньхун развернулся и выбежал с заднего двора, двумя движениями сбив с ног еще одного охранника. Они вчетвером убежали через переулок.

— На нас напали!

Расчеты Дуань Лина оказались впечатляюще точными: смена закончилась, стражи, пришедшие на посты, обнаружили столпотворение в поместье и громко подняли тревогу. Другие надзиратели, патрулирующие периметр, немедленно пришли к ним, и отряд побежал сломя голову. Джучи наконец-то получил возможность выпустить пар: он сразу же нанес удар по голове боевого коня, свалив и человека, и лошадь на землю.

В темном переулке вслепую летели стрелы: Джучи одновременно атаковал и отступал. Ли Цзяньхун громко свистнул, и тот отказался от боя, отступая по маленьким тропинкам в сторону от переулка.

Город погрузился в смятение, и Дуань Лин тихо произнес:

— Сюда.

Взявшись за руки, они с Бату бежали изо всех сил, но, увы, городская стража уже пробралась сюда, и Ли Цзяньхун бросился вперед, подхватывая каждого по одному. Одним прыжком он приземлился в чьем-то дворе, перепрыгнул через другую стену, и в мгновение ока они оказались на главной улице. Задыхаясь, Джучи почти удалось, пошатываясь, догнать их, когда рядом появился еще один отряд стражников.

— Куда это вы собрались!?

— В обход!

Бату хотел вернуться, чтобы помочь отцу, но Ли Цзяньхун оттащил его назад.

— Отпусти меня! — сердито взвыл Бату.

Ли Цзяньхун отшвырнул его в сторону, не сказав ни слова, а Дуань Лин сразу же обхватил руками, чтобы тот не пытался убежать на помощь. Ли Цзяньхун перелетел через стену, и сразу после раздался звук стрел и несколько пронзительных криков. Дуань Лин закрыл Бату рот, и им обоим показалось, что сердце замерло в горле.

Затем Ли Цзяньхун сказал что-то по-монгольски, и двое протиснулись через разбитые ворота жилого дома и быстро зашли внутрь. Джучи остался невредим, он с одышкой посмотрел на Ли Цзяньхуна.

Только тогда Дуань Лин и Бату смогли вздохнуть спокойно. Ли Цзяньхун распахнул дверь и спокойно зашел внутрь, и на его стук женщина поднялась с кушетки и закричала. Тот прижал к ней ножны и плавно опустил ее обратно на кровать.

— Просто проходим мимо, — изящно произнес Ли Цзяньхун и провел их через парадные двери, после чего забрал Дуань Лина. Тот не знал, смеяться ему или нет; он помахал Бату рукой, но увидел, как Джучи посадил его на спину, и они, бесконечно петляя, побежали по ночному Шанцзину.

— В какую сторону? — спросил Ли Цзяньхун.

Как только они потеряли своих преследователей, Дуань Лин направил их в сад Прославленного зала. Сегодня был не выходной, и младшая группа учеников в жилых помещениях уже легла спать.

Цветочный горшок отодвинулся в сторону. Первым пролез Бату, за ним Дуань Лин. Ли Цзяньхун с разбегу перепрыгнул через стену, и они под руководством Дуань Лина направились в библиотеку. Бату явно был знаком с этим местом, он выкопал из-под цветочного горшка запасной ключ, и они туда зашли.

В ходе пути нервы Дуань Лина были натянуты до предела, и, добравшись до места назначения, он некоторое время, задыхаясь, опирался на длинный стол. Бату зажег лампу, и в эту весеннюю ночь, еще не успевшую стать холодной, пришло тепло, но не успело пламя разгореться, как раздалась шаги Ли Цзяньхуна, который щелчком пальца послал порыв ветра, чтобы погасить его.

— Ждем здесь, пока не рассветет, — закрыл одно за другим окна библиотеки и, не оглядываясь, произнес Ли Цзяньхун. — Я найду способ доставить вас двоих за город.

— Кто он?

— Мой отец, — спокойно ответил на вопрос Бату Дуань Лин и достал из лацкана сверток с закусками.

— Ты голоден? — спросил он.

Бату покачал головой, и Дуань Лин добавил:

— Перекуси немного. Если не поешь, то утром у тебя не будет сил бежать.

В комнате царила кромешная тьма, и лишь небольшой лунный свет пробивался сквозь оконную решетку на лицо Дуань Лина. Бату в трансе смотрел на него, а после небольшой паузы протянул руку, чтобы погладить его по лицу.

— Что такое?

Дуань Лину показалось, что сегодняшний Бату был не очень похож на того, каким он обычно был. Он немного испугался: с точки зрения здравого смысла, Бату так не поступал.

— Ничего страшного.

Бату спросил:

— А что с Хэлянем?

— У них все хорошо, — ответил Дуань Лин. — Я только сегодня его видел. Прощаться уже поздно — я попрощаюсь с ним от твоего лица.

— Что мы будем делать, если тебя втянут в это? — хмуро спросил Бату.

— Все будет хорошо. Мой папа удивительный. Никто не знает, что это он.

Бату вздохнул. Он прислонился к книжной полке и, словно все его силы иссякли, закрыл глаза

— Бату, ты в порядке?

Дуань Лин взял его за руку и сжал ее.

Бату покачал головой. Дуань Лин отодвинулся, чтобы освободить место, и позволил ему использовать свое бедро в качестве подушки. Ли Цзяньхун подошел к ним, погладил каждого по голове и накрыл верхним халатом. От него все еще пахло кровью — его ранее носил Джучи.

Вдали от них тот что-то говорил. Дуань Лин не понимал, но Бату да. Как только раздался их голоса, у Бату расширились глаза.

Ли Цзяньхун ответил, опять же на монгольском, и между ними завязался разговор. Язык монголов груб и прямолинеен, оба понизили голос, словно сговариваясь и как бы торгуясь. Дуань Лин никогда не думал, что его отец будет знать язык чужого племени. Он видел, что Бату молча слушал, не произнося ни слова, и встряхнул его.

— О чем они говорят? Ты можешь их понять?

— Мой отец и твой отец уже знали друг друга, — сказал Бату Дуань Лину. — И они даже были врагами.

От удивления Дуань Лин слегка приоткрыл рот, боясь поверить в это. Джучи что-то произнес, заканчивая их разговор, и Бату выглядел одновременно настороженным и отрешенным. Он сел и недоверчиво уставился на Дуань Лина.

— Ты... ты действительно...

Бату казался совершенно потрясенным.

С другой стороны, Дуань Лин выглядел полностью недоумевающим.

— Что?

— Бату! — сурово процедил Джучи, и Бату больше ничего не говорил.

— Кто я? — судорожно спросил Дуань Лин.

— Сын, — начал Ли Цзяньхун.

В книжном павильоне воцарилась тишина. Прошло несколько тактов, прежде чем он снова заговорил:

— Подойди к своему отцу.

Ли Цзяньхун повернулся лицом к Дуань Лину, и в это мгновение он почувствовал невысказанную, но определенную надвигающуюся опасность. Он повернул голову и посмотрел на Бату, а затем снова на Ли Цзяньхуна.

Дуань Лин был в замешательстве, но Бату отпустил его руку, которую тот держал все это

время, давая понять, что ему пора идти. Дуань Лин и Ли Цзяньхун уселись на полу под книжной полкой, заваленной свитками, а Джучи подошел к Бату и, издав протяжный вздох, вернулся на место.

— Хочешь спать? — спросил Ли Цзяньхун.

Дуань Лин действительно хотел спать, но ему приходилось терпеть, и он не понимал, каковы были намерения его отца. Между ними и Джучи с Бату был целый длинный стол, как в тот день, когда они заснули вместе в кабинете, только вместо лампы стол теперь освещала луна.

Дуань Лин зарылся лицом в плечо Ли Цзяньхуна и грубо потерся о него головой, пытаясь не заснуть. Он потряс головой.

Ли Цзяньхун сказал:

— Монголы уже атакуют Хучан. Через некоторое время, когда мы отправим твоего друга из Шанцзина, они будут вне опасности, и тебе больше не придется о них беспокоиться.

Дуань Лин хмыкнул в ответ, и, заметив, что Бату зачарованно наблюдал за ним, снова поднял глаза на Ли Цзяньхуна.

— Папа, о чем ты говорил с отцом Бату?

— Я попросил его помочь мне кое с чем, — произнес Ли Цзяньхун. — Так будет проще отправить тебя на юг в будущем.

Дуань Лин недоумевал: он не мог понять, какое отношение Бату и его отец имели к его возвращению на юг. Ли Цзяньхун спросил:

— Хочешь вернуться на юг? Ты собираешься жить здесь, на севере, с отцом до конца своих дней или желаешь вернуться на родину?

Дуань Лин на мгновение задумался.

— Ты вернешься со мной?

Уголок рта Ли Цзяньхуна приподнялся в малейшем намеке на улыбку, но вместо этого он спросил:

— А если нет?

Дуань Лин ответил:

— Тогда я не пойду.

— Пойду. Где бы ты ни был, там буду и я, — сказал Ли Цзяньхун.

Дуань Лин издал утвердительный звук и произнес:

— Тогда хочу.

Ли Цзяньхун не ответил. Вместо этого он повернулся и посмотрел на Бату и его отца, как будто ответ Дуань Лина подтвердил определенный вывод, к которому он пришел.

— Человеку свойственно скучать по дому. Даже если твой сын родился и вырос в столице врага, — неторопливо произнес Ли Цзяньхун, — в его жилах течет монгольская кровь. Бату, ты когда-нибудь видел свою родину?

От этих слов Бату вздрогнул; он повернулся к Джучи и собирался перевести, но тот положил руку ему на голову, давая понять, что понял.

— Твой сын тоже хочет вернуться домой, — сказал Джучи на немного ломанном ханьском языке.

— Но у тебя мало перспектив. Ты потерял надежду, — промолвил Ли Цзяньхун. — Ему никогда не доводилось видеть голубую жемчужину озера в глубине Хулунбуирских лугов, но он уже лицезрел ее бесчисленное количество раз в своих снах. Это его инстинкт. Мой сын тоже жаждет увидеть ивы на берегах Западного озера и желает увидеть бурную ярость реки Янцзы под горой Юйхэн.

Бату задумался, а затем быстро перевел слова Ли Цзяньхуна.

Джучи не сдвинулся с места ни на цунь. Он смотрел на Ли Цзяньхуна так, словно обдумывал крайне сложное предложение.

— После сегодняшней ночи это будет их мир, — закончил Ли Цзяньхун. — Я, конечно, не стану тебя ни к чему принуждать. Согласны вы или нет, но, когда взойдет солнце, вы оба будете вольны уйти. Это не обмен. Я не стану принуждать вас, шантажируя своей помощью. Надеюсь, вы тщательно все обдумаете.

Джучи погрузился в тишину, а Ли Цзяньхун прижал к себе Дуань Лина и, обняв его, прислонился к стене, закрыв глаза, чтобы немного отдохнуть и не заснуть, готовясь ко второму этапу их побега на рассвете.

В какой-то момент Дуань Лин задремал, а когда проснулся, то обнаружил, что свернулся калачиком на коленях у Ли Цзяньхуна, и первое, что он сделал, - это посмотрел в другой конец комнаты. Дуань Лин взглянул Бату, который все это время бодрствовал. Подумав о том, что скоро они расстанутся и, возможно, окажутся на разных концах земли и больше никогда не увидятся, он почувствовал, как тоска заполняет глубины его сердца.

Бату ждал, когда Дуань Лин проснется, и теперь, когда он очнулся, он позвал его. Бату присел, думая, что сможет заползти к нему под стол, и Дуань Лин тоже освободился от объятий Ли Цзяньхуна и осмотрелся под столом, но они уже выросли — они не были теми дети из в прошлого, и щель под столом уже не вмещала их полурослые тела.

В руке Бату появился костяной кинжал в ножнах, и, держа его наперевес, он сунул его Дуань Лину под стол.

— Это тебе... — произнес он.

Дуань Лин молча взглянул на него.

Бату отпустил его и щелчком пальца поднес костяной кинжал к Дуань Лину, указывая, что тот должен его взять.

Дуань Лин был в растерянности, но это потому, что он не принес ничего, что можно было бы подарить Бату взамен. В конце концов, он не собирался с ним прощаться при таких обстоятельствах. Бату серьезно посмотрел на Дуань Лина, а тот долго колебался, прежде чем положить руку на кинжал и взять его.

Джучи внезапно проснулся. Он схватил Бату за воротник и потащил его назад, давая понять, что тот должен сидеть смирно и не создавать больше проблем. Щеки Бату покраснели, и он продолжал сопротивляться.

Дуань Лин очень заволновался и хотел вернуть костяной кинжал, но Ли Цзяньхун сказал ему:

— Возьми его. Это обещание.

В литературный павильон ворвался луч рассветного света, и Ли Цзяньхун поднялся.

— Идем.

На заднем дворе Прославленного зала он вытащил тележку для перевозки. Заставив Бату первым забраться в нее, он накрыл его сеном, а на себя надел бамбуковую шляпу. Джучи остановился рядом с телегой и некоторое время молчал, а в конце концов поднял руку.

Ли Цзяньхун тоже поднял руку; они трижды ударили ладонями друг о друга, и Джучи одним шагом забрался на повозку и полез к куче сена.

Ли Цзяньхун запрыгнул на телегу, и, заметив любопытный взгляд Дуань Лина, объяснил:

— Ладонями ударяют друг о друга, чтобы дать клятву. Это значит, что вы никогда не отступите от своего слова.

— О чем вы договорились? — спросил Дуань Лин.

Лошадь Ли Цзяньхуна почему-то уже ждала их в переулке. Привязав ее к телеге, он щелкнул кнутом и, наклонившись, тихо сказал Дуань Лину:

— Когда они вернуться на свою территорию, отец Бату направит часть своих войск, подберется к горе Цзянцзюнь и займет территорию Ляо.

— А потом?

Дуань Лин смутно догадывался, что Ли Цзяньхун готовился к большому делу.

— Твой отец использует это, чтобы заключить сделку с Елюй Даши, — бесстрастно бросил Ли Цзяньхун. — Похоже, нам потребуется немного удачи, чтобы пройти через городские ворота сегодня. Посмотрим, как к нам отнесутся небеса. Пошел!

Утром, как только ворота открылись, их заполнили повозки и лошади: странствующие торговцы снаружи хотели войти, а люди внутри стремились выйти как можно раньше, заполняя улицу так плотно, что она становилась непроницаемой для воды. Стражники опрашивали всех и даже проверяли груз на каждой телеге в отдельности.

— Мы подождем здесь, — сказал Ли Цзяньхун. — Пусть едут первыми.

Он остановил повозку у дороги, низко натянул шляпу на лицо и издали посмотрел на охранника, рассыпая в руке горсть медяков, чтобы пересчитать их один за другим.

— Хочешь купить завтрак? — спросил Дуань Лин.

— Нет, это скрытое оружие, — ответил Ли Цзяньхун, раздвигая пальцы, а затем ловким движением спрятал их в ладони.

Он нервно сказал:

— Они обязательно погонятся за нами.

— Если у нас не будет выбора, это будет последним средством, — сказал Ли Цзяньхун Дуань Лину. — Когда ты что-то делаешь, то должен предусмотреть все возможные варианты.

Ли Цзяньхун, похоже, кого-то ждал — пока в поле его зрения не попала карета.

Он уже видел эту карету, она была красиво украшена. Это была карета Калинового двора, которая мчалась по главной улице, направляясь из города. Ли Цзяньхун слегка приподнял брови.

— Это карета Калины? — слегка удивился Ли Цзяньхун.

Дуань Лин сказал:

— Да, это друзья Лан Цзюнься. Ты тоже их знаешь, папа?

Ли Цзяньхун на мгновение задумался, а затем произнес:

— Калина... Ну что ж, рискнуть стоит. Сынок, зайди в ту карету и покажи кое-что сидящему в ней человеку.

Ли Цзяньхун надвинул шляпу, закрывая половину своего красивого лица.

Занавеска кареты открылась, пропуская Дуань Лина внутрь.

Но внутри сидела не Дин Чжи, а молодая дама высшего сословия.

— Кто вы? — спросил Дуань Лин.

— Это я должна спросить тебя об этом. Кто ты? — ответила дама.

Девушка рядом с дамой засмеялась:

— Что ты делаешь? Пришел сюда без причины и даже не знаешь, кто сидит в карете?

Дуань Лин на мгновение замешкался. Возможно, именно потому, что он был красив, с чертами лица, тонко выточенными, как изысканный нефрит, дама не оттолкнула его.

— Отец велел мне зайти сюда, чтобы показать вам кое-что, — сказал Дуань Лин, чувствуя себя немного неловко, когда доставал из-под лацкана красный шнурок. Он открыл вышитый мешочек и вынул из него белую нефритовую дугу, показывая ей.

Дама внезапно замолкла, ее лицо смертельно побледнело, дыхание перехватило, и она почти бездыханно произнесла:

— Что... что вы только что сказали? О своем отце? Вы...

— Можете только смотреть, но не трогать.

Дуань Лин заметил, что рука дамы дрожала, когда она тянулась к нему, и поворачивал нефритовую дугу то в одну, то в другую сторону, чтобы показать ей, а затем аккуратно убрал ее, как только мог.

— Госпожа? — обеспокоенно спросила девушка.

— Мой отец хотел бы, чтобы вы помогли ему кое с чем.

Тогда Дуань Лин вежливо поднял руки над головой и сделал формальный поклон госпоже.

Она поспешила сказать:

Вы мне льстите, господин. Можете просто обращаться ко мне как к госпоже.

И, закончив говорить, она поднялась со своего места, разгладила складки своего вышитого платья и отвесила ответный поклон.

Вскоре после этого карета Калинового двора снова отправилась в путь. Она изменила направление, и теперь повозка Ли Цзяньхуна, наполненная сеном, следовала вплотную за ней.

Когда они проезжали через городские ворота, из кареты Калины протянулась тонкая бледная рука с жетоном, удостоверяющим ее личность.

— Повозка позади нас помогает нам перевозить товары.

Занавес открылся, открывая профиль госпожи; она лишь бросила взгляд на стражников, и те кивнули и разошлись в разные стороны, освобождая дорогу. Ли Цзяньхун неторопливо вел повозку за каретой, и они без проблем покинули город.

Добравшись до дороги, Дуань Лин спустился с кареты и побежал к Ли Цзяньхуну, который

наклонился к его уху, чтобы сказать еще несколько слов, после чего Дуань Лин вернулся обратно и встал перед повозкой.

— Мой отец сказал, что очень благодарен вам за помощь. Когда он вернется в Шанцзин, то обязательно заглянет в Калиновый двор, чтобы выпить.

— Всегда пожалуйста.

Госпожа поспешно открыла занавеску и собиралась спуститься, но Дуань Лин остановил ее, говоря то, чему его научил Ли Цзяньхун:

— Долго задерживаться здесь небезопасно, так что давайте избавим вас от лишних проблем, госпожа.

— Удачи вам, господин, — уверенно произнесла госпожа. — Да благословят небеса нашу Великую Чэнь.

Дуань Лин посмотрел на нее в удивленном молчании.

Все вокруг окрасилось в весенние цвета, и над длинными травами летали иволги. В колышущихся камышовых метелках на краю открытых полей их пушистые соцветия казались звездами на безбрежном млечном пути, порхающими по этому жизнерадостному времени года. Но в этом ярком и прекрасном солнечном свете Дуань Лин ощущал некую долю гордости и надежды.

— Да благословят небеса нашу Великую Чэнь, — пробормотал про себя Дуань Лин, словно в самих этих словах была заключена непоколебимая вера.

— Слезайте, — сказал Ли Цзяньхун.

Бату и Джучи, перенапрягшиеся за ночь, более чем устали и прилегли на борт телеги. Дуань Лин вернулся на место возницы и прислонился к коленям Ли Цзяньхуна. Время от времени он оглядывался назад, но ему казалось, что Бату не намерен был больше с ним разговаривать. Повозка покачивалась, и под дуновением весеннего ветерка Дуань Лин постепенно заснул.

Лежа в глубокой дремоте, он услышал голос Бату.

— Не будите его.

Дуань Лин перевернулся и в полубессознательном состоянии почувствовал, как кто-то погладил его по голове.

Он не знал, сколько времени прошло, когда снова проснулся. Телега, наполненная сеном, стояла на склоне, а Ли Цзяньхун лежал на тележном ложе с травяной соломой во рту и томно смотрел на светлеющее весеннее небо с его чистыми белыми облаками.

Мягкий весенний ветерок ласкал его щеки, Дуань Лин зевнул, потянулся и медленно проснулся в объятиях Ли Цзяньхуна. Тот ласково поцеловал его в лоб.

— Где Бату?

Вздрыгнув, Дуань Лин проснулся до конца.

— Он ушел.

Ли Цзяньхун положил руку на плечи сына.

— Этот варвар хочет, чтобы ты стал его андой. Это хорошая перспектива, да.

— Что такое анда? — спросил Дуань Лин.

— Это значит, что вы будете жить и умрете вместе. Хорошо, что у нас не было ничего стоящего для обмена, иначе нас бы надули.

Дуань Лин почувствовал себя немного подавленным.

— Папа, увижу ли я когда-нибудь снова Бату?

— Все в этом мире подчиняется законам судьбы. Любая случайная встреча сродни порыву ветра; люди подобны облакам, которые ты видишь над собой — есть время для их встречи и время для их расставания. Они приходят и уходят, а у тебя появятся новые друзья. Не нужно грустить.

Дуань Лин ответил утвердительным хмыканьем. Непонятно, как, но от слов Ли Цзяньхуна ему стало немного легче.

— Ты тоже меня бросишь?

Внезапно Дуань Лину стало еще хуже.

Ли Цзяньхун разразился хохотом.

— Прежде чем я отвечу на этот вопрос, ты должен оплатить мне за услугу.

Дуань Лин тупо посмотрел на него. Затем он вспомнил, точно, и ему осталось только спросить:

— Чего ты хочешь?

Ли Цзяньхун оглядел его с ног до головы и рассмеялся.

— Что это ты так жадно смотришь? Планируешь убить своего драгоценного отца?

Дуань Лин засмеялся — он просто находил Ли Цзяньхуна чересчур забавным. Вскоре тот заговорил снова:

— Подойди сюда, возьми соломинку и прочисти отцу уши.

Дуань Лин отщелкнул соломинку, заставил Ли Цзяньхуна положить голову на бедро и начал внимательно чистить ему уши. А тот закрыл глаза, похоже, он либо заснул, либо о чем-то задумался.

— Сынок.

— Да.

— Что ты думаешь о навыках своего отца?

— Потрясающие, — от души похвалил его Дуань Лин.

— С такими удивительными навыками я могу жить как угодно, поэтому, разумеется, я не собираюсь бросать своего сына — иначе для чего было учиться всему этому?

Дуань Лин с совершенно бесстрастным лицом ответил:

— Если ты будешь ходить в Калину пить, то познакомишься с девушками, а познакомившись, снова женишься, а женившись, родишь ребенка, то, естественно, я тебе больше не буду нужен.

Ли Цзяньхун слегка вздрогнул.

— Малыш, ты ревнуешь?

Дуань Лин засмеялся: даже ему стало немного неловко, но он не говорил об этом всерьез. Естественно, Ли Цзяньхун тоже понимал, что он не серьезно.

Тем не менее он все равно ответил на этот вопрос.

— Нет, — небрежно бросил Ли Цзяньхун. — Отец в долгу перед тобой. Никто и никогда не займет твое место.

Рука Дуань Лина вздрогнула, и Ли Цзяньхун сказал:

— Айо, осторожнее.

Все противоречивые эмоции, наполнявшие грудь Дуань Лина, исчезли подобно дыму, и он снова наклонился, чтобы тщательно вычистить его уши.

— В наши дни, не говоря уже о гареме, — сказал Ли Цзяньхун, — даже собственные дети вынуждены бороться друг с другом за благосклонность.

Дуань Лин не знал, что на это ответить. Отец продолжил потешаться над ним, но серьезно сказал:

— Папа понимает. Я тоже когда-то боролся с твоим четвертым дядей за благосклонность нашего отца. Это обыденное дело.

— С четвертым дядей? — спросил Дуань Лин.

Как только он закончил чистить уши, Ли Цзяньхун сел с довольным видом; он отцепил лошадь от телеги, похлопал ее по спине и сказал ему:

— Раз уж мы все равно вышли, то можем отправиться в путешествие. Хочешь?

Внимание Дуань Лина снова отвлеклось, и он обрадовался; он знал, что Ли Цзяньхун сказал это, потому что, скорее всего, хотел развеяться, и сразу же побежал к нему, чтобы тот помог ему забраться на лошадь. Он спросил:

— Мы останемся на ночь?

— Как тебе будет угодно.

— Мы едем в наш дом на юге? Наш прошлый дом был на юге?

— Да, но он больше не наш. Хочешь вернуться? Ты достаточно долго пробыл в Шанцзине, чтобы понять, что там душно?

Дуань Лин сел на лошадь, обнял Ли Цзяньхуна, и они неспешным галопом поехали на юг. Прекрасный, лучезарный весенний день, легкий и приятный ветерок, и все вокруг оживало. Ли Цзяньхун пробыл в Шанцзине почти месяц, и это была их первая длительная поездка.

— Тогда куда мы едем?

— На встречу с одним из старых папиных друзей — у него есть несколько вопросов, по которым нужно с ним посоветоваться.

— Какие вопросы?

Дуань Лин нашел это весьма увлекательным.

— Вопросы о судьбе, — ответил Ли Цзяньхун.

И Дуань Лин спокойно задумался об этом.

Дуань Лин был немного взволнован: когда он с Ли Цзяньхуном, жизнь совершенно беззаботна. Каким бы огромным ни был мир, они были вольны делать все, что им заблагорассудится, и ни о чем не беспокоиться, куда бы ни отправились. Ли Цзяньхун даже иногда позволял ему управлять лошадью и безудержно носиться по равнинам.

— Хочешь немного покататься на коне сам? — спросил Ли Цзяньхун, искренне заинтересовавшись.

Дуань Лин, естественно, хотел попробовать — он никогда раньше не ездил на лошади один, но немного боялся, что Ли Цзяньхун не будет его подстраховывать.

— Ну, давай!

Ли Цзяньхун спрыгнул с лошади и небрежно ударил ее по задним ногам. Конь тут же завыл и бросился наутек, а Дуань Лин так испугался, что начал кричать во всю мощь своих легких:

— Папа!

Ли Цзяньхун помахал ему рукой. Он громко свистнул, и боевой конь проскакал мимо ручья,

уносясь галопом на огромной скорости. Дуань Лин продолжал кричать снова и снова; сначала это казалось ему довольно захватывающим, но, когда он снова оглянулся назад, а Ли Цзяньхуна уже нигде не было, его охватила внезапная паника. Он попытался развернуть коня, но тот не слушался его приказов. Дуань Лин в ужасе воскликнул:

— Хватит бежать! Папа! Где ты, папа?!

Боевой конь устремился в лес, и Дуань Лин едва не упал с него. Он крепко обхватил руками его спину и прокричал, словно на грани слез.

— Папа! Где ты?!

Свист то нарастал, то затихал, и из-за дерева появился Ли Цзяньхун и радостно посмотрел на него.

Дуань Лин едва не упал в обморок. Он сразу же слез с лошади и бросился к Ли Цзяньхуну, крепко обнимая его.

— Его зовут Вань Ли Бэнь Сяо.

Ли Цзяньхун похлопал божественного скакуна, и тот опустил голову, фыркнул и ткнулся носом в Дуань Лина. Только тогда он облегченно вздохнул.

— Это усуньская лошадь.

Ли Цзяньхун держал Дуань Лина за руку, а другой рукой взял поводья и объяснил:

— Твой отец спас царя Усуня под горой Цилян. В благодарность они подарили мне этого коня.

— Он так быстро скачет. Он чуть не сшиб меня с ног.

— Когда я бежал из заснеженной пустыни, именно он спас мне жизнь.

В полдень Ли Цзяньхун и Дуань Лин пробирались через лес, когда Дуань Лин заметил множество незнакомых ему фруктов.

— Что это?

— Зимняя вишня.

Ли Цзяньхун бросил на нее мимолетный взгляд.

— Слишком кислая. Не ешь наугад дикие фрукты и грибы на обочине дороги. Чем красочнее они, тем больше вероятность того, что они очень ядовиты.

— Я не буду это есть. А что это за дерево?

Дуань Лин обладал необычайной любознательностью и со временем обнаружил нечто очень важное: какой бы вопрос он ни задал бы Ли Цзяньхуну, он получал убедительный ответ, а не типичное «не спрашивай, узнаешь в будущем» Лан Цзюнься.

— Пустынный тополь. Молодые деревья похожи на ивы, но когда они распускаются, то становятся чрезвычайно устойчивыми к засухе.

Ли Цзяньхун был почти всеведущ. Дуань Лин подумал: «Зачем я вообще учусь? Если я чего-то не понимаю, можно просто спросить у папы».

Дуань Лин спросил:

— Мы сегодня будем спать на улице?

— Так не пойдет, — твердо заявил Ли Цзяньхун. — По всей вероятности, мой сын сможет получить горячий ужин в Хуайдэ еще до заката.

— Где находится Хуайдэ?

— В Синьчжоу.

— А где находится Синьчжоу?

Дуань Лин практически не разбирался в мире.

— Император-основатель Ляо выбрал Шанцзин в качестве столицы и основал Шанцзинскую дорогу как одну из девятнадцати главных дорог, и на юг по Шанцзинской дороге можно добраться до Синьчжоу; дальше на юг от Синьчжоу ты дойдешь до Великой стены.

Дуань Лин знал о Великой стене.

— Миновав Великую стену, попадешь в Юйбигуань, а если после этого продолжить двигаться на юг, то доберешься до Чжили*, затем по Хэбэйской дороге на юг...

* Чжили — старое название Хэбэя, однако до династии Мин он так не назывался. До этого слово просто означало место, где находится столица.

— Именно так.

Ли Цзяньхун увернулся от ветки.

— Ты доберешься до Шанцзы и Жунани. Сейчас это все территория Ляо.

— А вся империя Чэнь находится дальше на юге?

— Земли к северу и югу от Янцзы перешли к Чэнь.

Словно воскресив древние воспоминания, Ли Цзяньхун вздохнул.

— В Сычуани, Цзяннани и Цзянчжоу.

— Ты же говорил, что мы вернемся в империю Чэнь?

— Ты действительно хочешь вернуться? — спросил Ли Цзяньхун.

Не успели они оглянуться, как вышли из леса. Ли Цзяньхун подхватил Дуань Лина, помог ему сесть на лошадь, и они поскакали вдоль ручья. Сидя верхом, Дуань Лин произнес:

— Глава школы говорил, что юг очень красив. Жаль, что я никогда его не видел.

Дуань Лин и не подозревал, что воображение далекого рая с цветущими персиками, которого он никогда не видел, слишком утомит его.

— Те, кто путешествует вдали, — гости, и все они скучают по дому.

Ли Цзяньхун тоже сел на лошадь.

— Те, кто на юге, скучают по северу, те, кто на севере, скучают по югу; у всех ханьцев одна и та же мысль. Это правда. Юг очень красив.

Постепенно последние пять лет, проведенные Дуань Лином в Шанцзине, помогли ему многое понять. Он понял, что, когда железные копыта конницы Ляо двинулись на юг, ханьцам пришлось покинуть родину против своей воли. Каждый ханец, живущий в Шанцзине, держался за этот единственный предсмертный вздох, от всего сердца надеясь однажды вернуться на юг.

— А наша семья тоже сгинула, когда военные Ляо ушли на юг? — спросил Дуань Лин.

— Что?

Этот вопрос прервал ход мыслей Ли Цзяньхуна. Под ними рысью шел их конь, не слишком быстро и не слишком медленно. Ли Цзяньхун погладил Дуань Лина по голове и ответил:

— Наша семья все еще жива, но нас осталось не так много.

— А кто есть еще?

Дуань Лин никогда не думал, что у него тоже есть родственники, но сегодня у него вдруг возникло ощущение, что он такой же человек, как и все остальные: у него были отец, мать, дяди, тети и другие родственники, например, тот «четвертый дядя», о котором говорил отец, но которого он сам никогда не видел.

— Твой четвертый дядя и твоя пятая тетя все еще живы. Сейчас отец расскажет тебе, но держи это в сердце, сын мой. Ты не должен никому об этом говорить.

Дуань Лин кивнул, и Ли Цзяньхун продолжил:

— Твой отец — третий ребенок. У меня был старший брат, который умер, не дожив до совершеннолетия. Второй была старшая сестра, не дочь главной жены, и она тоже умерла молодой. Мой младший четвертый брат до сих пор живет в Сычуани. Детей у него пока нет. А твоя пятая тетя вышла замуж в Цзяннань.

— А что с твоим отцом?

— Все еще жив. Ему по душе твой четвертый дядя, но я ему не нравлюсь... Пошел!

Вот почему чувства Ли Цзяньхуна к югу были так противоречивы — теперь Дуань Лин это понял. В то же время он чувствовал, что Ли Цзяньхун избегал воспоминаний о прошлом, и поэтому не задавал ему лишних вопросов.

На закате весны и в начале лета Цзянчжоу утопал в белоснежных цветах калины, восемь соцветий на каждой ветке были полны жизни, и все это было на фоне одиноких весенних гор и голубого неба, казавшегося свеживымытым. Время от времени вдалеке поднимались разноцветные воздушные змеи, их изображения отражались в зеркальном озере, и, когда линии закручивались и обрывались, они улетали вслед за птицами, исчезая в глубине горных лесов.

Одетый в длинное лазурное платье, Лан Цзюнься вел своего коня по извилистой, вымощенной досками тропинке вниз по склону. Он проехал мимо города Цзянчжоу и не зашел в него, а лишь остановился на берегу Янцзы, чтобы зачерпнуть пригоршню южной воды и выпить перед посадкой в лодку для дальнего плавания. Судно пойдет на север по реке, войдет в провинцию Сычуань под горой Юйхэн, обогнет трудные Дороги Шу* и направится к южной столице Чэнь.

* Дороги в Шу пролегали в основном по горам.

По дороге он почти не разговаривал; когда остальные прибывшие сходили с лодки, он тоже покидал ее, чтобы постоять на берегу и, склонившись, выпить пригоршню воды. Спустя три месяца Лан Цзюнься наконец прибыл в город Сычуань.

Городские стены утопали в зелени и пышных зарослях. С наступлением осени они покроются цветущими хлопковыми розами.

Оказавшись в столице, Лан Цзюнься направился к книжному магазину в западном квартале. Он легко открутил заржавевший замок, внутри все было покрыто пылью. Сначала он нашел место для отдыха лошади и покормил ее сеном, а затем отвязал от плеча свой дорожный тканевый сверток и, толкнув дверь, вошел в книжный магазин — и тут его шаги внезапно прервались.

Под тусклым солнечным светом стоял убийца в маске. Создавалось впечатление и что он давно ждал Лан Цзюнься, и что он только что прибыл.

Убийца был высок и крепко сложен, его рост превышал девять чи; он бы не выглядел менее крепким, если бы встал рядом с Ли Цзяньхуном. С мечом в руке он стоял в главном зале, как горный хребет, а его глаза, виднеющиеся над маской, пристально глядели на Лан Цзюнься.

— Приветствую, — произнес убийца первую фразу.

Лан Цзюнься положил руку на рукоять меча на поясе.

— Мое имя — Чан Люцзюнь, — произнес вторую фразу убийца и, медленно потянувшись пальцами к своей маске, сорвал ее, открывая красивое лицо.

— Я пришел, чтобы убить вас, — закончил Чан Люцзюнь третью фразу.

Лан Цзюнься не дожидался, пока тот поднимет руку, чтобы выхватить меч, но Чан Люцзюнь уже держал его в руке, он ждал именно этого момента, чтобы нанести упреждающий удар. Лан Цзюнься успел лишь наполовину вытащить меч из ножен, как в воздухе раздался Байхунцзянь Чан Люцзюня, и линия силы меча внезапно вырисовалась прямо перед его глазами.

В этот момент Лан Цзюнься был ближе всего к смерти за всю свою жизнь.

Чан Люцзюнь, все предусмотревший до мелочей, никак не ожидал, что даже при таком тщательном расчете Лан Цзюнься сможет ускользнуть от удара, который, несомненно, должен был оборвать его жизнь. Лан Цзюнься поднял левую руку и опустил правую, и Цинфэнцзянь, занесенный на три цуня, резко вернулся в ножны. Его внутренняя ци выплеснулась волной и сразу же остановила клинок Чан Люцзюня.

Лан Цзюнься дорого заплатил за это движение. Вслед за этим он схватился левой рукой за ножны и, повернувшись, чтобы избежать столкновения, утянул за собой Чан Люцзюня; оба сменили положение и одновременно оттолкнулись ладонями — Лан Цзюнься правой, Чан Люцзюнь левой.

Левая рука в итоге оказалась слабее правой; когда ладони соединились, Лан Цзюнься едва коснулся Чан Люцзюня, и тот, разрядив удар мягкой силой, направил его в стену. С громким треском вся стена обрушилась под его силой.

Из правой руки Лан Цзюнься хлынула кровь, и он, пробив дверь, исчез в толчее рынка, пропадая без следа.

Чан Люцзюнь сделал два шага вперед и наклонился, чтобы поднять с пола палец, а затем надел свою бамбуковую шляпу. Вернувшись в поместье канцлера, он без раздумий бросил мизинец на съедение собаке, убрал меч в свою комнату и вернулся в кабинет через коридор.

В настоящее время Му Куанда писал обращение к императору с убедительной просьбой отречься от престола, чтобы он мог спокойно провести остаток своих сумеречных лет.

— У меня не получилось.

Чан Люцзюнь остановился позади Му Куанды.

— Если бы ты не произносил эти три фразы перед тем, как сделать шаг, — спокойно заметил Му Куанда, — он, наверное, не смог бы уйти. Куда ты его ранил?

— У него на правой руке теперь нет мизинца.

— Тогда отправим письмо генералу. Уверен, он будет очень рад.

Северный уезд Хуайдэ был спрятан глубоко среди горных хребтов Алтынтага, и через него приходилось проезжать по пути в горные леса или по дороге в Шанцзин. Уездный город занимал обширную территорию, его деревни и сельские поселения были разбросаны глубоко в горах, а извилистые, похожие на паутину тропинки соединяли их с городом. Сейчас как раз был весенний сезон, когда все вокруг утопало в зелени, а горы были изобильны, поэтому

Хуайдэ стал местом, где торговали товарами.

Дуань Лин впервые оказался где-то за пределами Шанцзина и Жунани. Его глаза переполняло любопытство, когда он, сидя верхом на лошади вместе с Ли Цзяньхуном, проезжал через рынок возле одной из деревень.

— Эй! Тигровая шкура и тигровые кости, хотите?!

— Откуда вы?

— Хочешь конфет?

Дуань Лин не решался ответить и посмотрел на Ли Цзяньхуна.

— Что? Если хочешь что-то, просто возьми. Можешь не смотреть на меня — разумеется, я заплачу за тебя.

— Я не могу разговаривать с незнакомцами, разве нет?

Ли Цзяньхун засмеялся.

— Нет такого правила. Хочешь поговорить — вперед. Говори с кем хочешь.

После этого Дуань Лин подошел к продавцу лекарственных трав и с любопытством спросил:

— Что это такое? Это бычий безоар?

У продавца на прилавке было полно диковинных растений и редких трав, собранных в долинах Алтынтага, и внимание Дуань Лина привлек кусочек бычьего безоара размером с куриное яйцо. Ли Цзяньхун лишь бросил на него мимолетный взгляд, после чего передал деньги, чтобы тот купил его.

— Это не значит, что нельзя разговаривать с незнакомцами.

Ли Цзяньхун взял коня за поводья и медленно шел рядом с Дуань Лином по рынку.

— Дело в том, что в незнакомой обстановке нужно знать, что говорить, а что нет, чтобы обеспечить себе защиту.

Дуань Лин издал утвердительный звук — он понимал, что Ли Цзяньхун учил его, как общаться

с людьми и вести себя.

Ли Цзяньхун продолжил:

— Общество состоит из самых разных людей. Даже если ты не будешь причинять вред другим людям, вполне может случиться так, что другие люди попытаются причинить вред тебе.

— Тогда как я могу знать, что мне следует говорить, а что нет?

— Когда у тебя нет задачи, которую нужно решить, — объяснил Ли Цзяньхун, — ты можешь говорить что угодно. Но ты должен наблюдать за собеседником и быть бдительным, если у него дурные намерения. Не говори о богатстве с бедными, не обсуждай бедность с богатыми, не спорь о взглядах с мужчинами, не возвращай желания в женщинах.

— Когда у тебя есть задача, которую нужно выполнить, ты не можешь позволить никому узнать, кто ты. Ты должен быть постоянно начеку, — добавил Ли Цзяньхун. — Когда обстоятельства потребуют этого, тебе также придется придумать себе другую личность в соответствии с местными условиями. В таких неблагоприятных местах, как трактиры, собирается смешанная публика, поэтому, когда речь идет о важных вещах, ты должен держаться в тени. Особенно с трактирщиком, официантами и случайными людьми — нельзя, чтобы они знали, зачем ты пришел.

Дуань Лин только отчасти понял это и кивнул.

— В путешествии нельзя давать жадности укорениться. Не жажди того, что тебе не принадлежит, и ты избавишься от многих проблем.

Ли Цзяньхун привел Дуань Лина в трактир, чтобы поесть и переночевать, и сказал официанту, что они останутся на ночь, передав трактирщику для проверки свои личные документы. В настоящее время в Ляо все было сложно: все племена разъезжали повсюду, у каждого был свой стандарт оформления документов, поэтому трактирщик тоже не увидел ничего странного в бумагах и поручил своим работникам подготовить комнату высшего разряда.

— Папа, мы продолжим путешествие завтра?

Дуань Лин лежал на коленях Ли Цзяньхуна, а тот, обнимая Дуань Лина, прислонился к изголовью кровати, все еще погруженный в раздумья.

— Ты не хочешь ехать?

Дуань Лин, немного сонный, ответил и покачал головой.

— Поехали.

Ли Цзяньхун поцеловал его, а Дуань Лин повернулся на бок, зарылся головой в его плечо и гладил его то так, то эдак. Ли Цзяньхун озвучил свою мысль:

— Что, не рад?

Дуань Лин ничего не говорил, просто продолжал его обнимать, и Ли Цзяньхун сказал:

— Ты просто хочешь внимания, да.

Он уложил Дуань Лина на кушетку и стал щекотать его, пока тот не начал громко смеяться и сопротивляться. Когда они оказались лицом к лицу, Ли Цзяньхун пристально посмотрел в его глаза, а затем взял руку и положил ее себе на щеку. Закрыв глаза, он снова погрузился в свои мысли.

Сонный Дуань Лин уставился на лицо Ли Цзяньхуна. Он провел пальцами по профилю Ли Цзяньхуна, по его губам и, опираясь на его плечо, постепенно заснул.

Снаружи раздался шум; когда Дуань Лин снова открыл глаза, уже наступило утро. Гул испугал его, и, подумав, что это люди выслеживают их, спросил:

— Что такое?

— Ничего особенного.

Когда Дуань Лин проснулся, Ли Цзяньхун встал, чтобы выжать полотенце и помочь ему умыться.

Ночью в Хуайдэ начались беспорядки, многие бежали с северо-восточной дороги, прихватив с собой целые семьи. Все они кричали:

— Монголы близко!

— Уходим! Все сюда!

Дуань Лин никогда не видел ничего подобного. Он с тревогой осмотрел главную дорогу Хуайдэ за пределами гостиницы и увидел, что она была плотно забита беженцами. Дуань Лин и его отец ели лапшу в трактире, но Ли Цзяньхун, похоже, ничуть не был обеспокоен этим необычным зрелищем.

— Не подходите!

Трактирщик выглядел весьма недовольным и заставил официанта выйти на улицу, чтобы отогнать беженцев; во времена хаоса те, у кого не было денег, не могли сдвинуться с места ни на цунь. Дуань Лин время от времени выглядывал наружу и увидел ребенка примерно его возраста с малышом гораздо младше, они, грязные и растрепанные, пробирались внутрь.

— Хочешь?

Дуань Лин взял лепешку и протянул ее старшему ребенку.

— Отдохните немного.

— На улицу! Вы все, на улицу! — произнес официант.

Ли Цзяньхун бросил на него взгляд, и официант не решился заговорить снова.

— Я возьму одну для моего младшего брата.

Ребенок поклонился.

— Большое спасибо. Счастливого пути вам, господин.

У Дуань Лина защемило сердце при взгляде на них. Ребенок понимал их социальное положение и занял лишь маленький краешек в углу, чтобы накормить своего младшего брата лепешкой.

Ли Цзяньхун взял еще один кусок лепешки, разломил его и положил в миску с супом из баранины для Дуань Лина.

— Откуда вы пришли? — невзначай спросил Ли Цзяньхун.

— Из Хучана, — ответил ребенок.

— О? Город захвачен? — спросил Ли Цзяньхун.

— Это скоро произойдет, — произнес старший ребенок. — Надвигаются монголы, и все боятся, что они перебьют всех в городе, поэтому все бегут в Шанцзин. Не могли бы вы дать нам воды, пожалуйста, господин?

Ли Цзяньхун взял чайник, налил чай и дал чашку ребенку. Он сделал несколько больших глотков, а затем передал чашку своему младшему брату.

— А где твои мама и папа? — спросил Дуань Лин.

— Мы разделились, — сказал старший. — Если вы направляетесь на север, не могли бы вы поспрашивать для нас...

— Мы едем на восток, — ответил Ли Цзяньхун. — Тебе не стоит беспокоиться. Монголы еще не добрались сюда. Полагаю, с твоими родителями все в порядке.

Старший ребенок кивнул ему.

— Будьте осторожны и на востоке. Монгольские войска повсюду в горах и на равнинах.

— Пойдем.

Ли Цзяньхун оплатил счет за еду и ночлег и вместе с Дуань Лином покинул постоянный двор. Они сели на Вань Ли Бэнь Сяо, а затем, объехав дорогу, уехали из деревни.

— Будет война? — спросил Дуань Лин.

Вань Ли Бэнь Сяо посмотрел вниз с места, где он остановился на полпути в гору. Хуайдэ уже превратился в океан людей; нескончаемый поток беженцев все еще двигался на запад из Хучана и окрестностей Дэчэна*. Их целью было пробраться через Алтынтаг, направиться в Шанцзин либо бежать через Юйбигуань.

* Дэчэна нет на карте из справочной информации, так как здесь недостаточно подсказок, чтобы понять, где он находится, но Хучан, Хуайдэ и Шанцзин там есть, как и горные хребты (приблизительно).

— Да, — ответил Ли Цзяньхун.

— Что же тогда будет с Бату и его отцом?

— Монголы уже давно собирают армию. Раньше они не совались за гору Цзянцзюнь, но, похоже, сейчас решили повоевать там. Даже если бы ты не спас Бату, эта война все равно бы началась, — сказал ему Ли Цзяньхун. — Они бы просто поплатились за это жизнью без всякой причины, вот и все.

Дуань Лин впервые столкнулся с подобным.

— Кто же победит?

— Трудно сказать. А ты сам кого хочешь видеть победителем?

Хотя все в Шанцзине были киданями, Дуань Лин жил здесь так давно, что для него он был сродни второй родине. Он от всего сердца надеялся, что Ляо не проиграет, но, когда две страны находились в состоянии войны, вопрос о том, кто победит, а кто проиграет, не решался силой желания одного человека.

— Папа, нам тоже нужно уезжать?

— Не знаю. Но очень скоро мы получим ответ. Поехали.

Ли Цзяньхун развернул коня, и Вань Ли Бэнь Сяо стремительно помчался по горным тропам, исчезая между гор.

Вскоре Дуань Лин поспешно произнес:

— Папа!

Ли Цзяньхун повернулся и посмотрел туда, куда указывал палец Дуань Лина. Утренние горные потоки были покрыты туманом, а навстречу им сквозь пелену пробирался отряд кавалерии. Дуань Лин и Ли Цзяньхун продолжали двигаться еще некоторое время и натолкнулись на несколько тел киданьских солдат — очевидно, произошла жестокая схватка.

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы ушли? — спросил Ли Цзяньхун.

— Почти два часа.

Дуань Лин с тревогой спросил:

— Почему здесь монгольская армия?

— Подержи это.

Ли Цзяньхун бросил Дуань Лину колчаны, арбалет и длинный лук киданьских солдат, а затем снова сел на лошадь. Он проверил вес лука.

— Это передовой отряд, вероятно, они планируют обойти Алтынтаг, чтобы тайком напасть на Хуайдэ. Давай, это для тебя. Пересчитай и скажи, сколько их там.

— Пять, десять... — Дуань Лин считал, пока Ли Цзяньхун настраивал арбалет, и ответил. — Сто.

Ли Цзяньхун объяснил ему, как пользоваться арбалетом, и дал сделать несколько пробных выстрелов, прежде чем повесить его на спину. Затем он сам взвалил длинный лук на плечи.

— Да, когда сталкиваешься с передовым отрядом противника на дороге, не стоит паниковать.

Дуань Лин кивнул, и Ли Цзяньхун продолжил объяснять.

— Сначала мы должны затаиться, затем взвесить силы, рельеф местности, погоду и разницу в численности наших и вражеских войск. Когда они будут на виду, а мы в тени, можно рискнуть устроить облаву, если мы на шесть десятых уверены в положительном исходе.

— Но нас только двое.

— Царь Вэй из Ци спрашивает Сунь-цзы, — сказал Ли Цзяньхун, — помнишь, как это изложено в книге? Есть ли способ одному напасть на десятерых?

— Да, есть!

Дуань Лин уже читал этот раздел.

— Атаковать до того, как они будут готовы, застать их врасплох!

Ли Цзяньхун улыбнулся ему.

— Пошел!

Ли Цзяньхун сжал ногами бока коня, приказывая ему ехать как можно быстрее; Вань Ли Бэнь Сяо воспринимал горный хребет как ровную землю и проходил через леса так же быстро, как пересекал равнины, молниеносно приближаясь к врагу.

— Управляй лошадей, — сказал Ли Цзяньхун.

Дуань Лин взял поводья.

Ли Цзяньхун произнес:

— Поворачивай!

Дуань Лин натянул поводья, и Вань Ли Бэнь Сяо стремительно свернул на горную тропу. Ли Цзяньхун наступил на доспехи, его стройная фигура вытянулась, он натянул лук до упора и выпустил стрелу!

Раздался негромкий звук, и Ли Цзяньхун опустился вниз, опираясь на спину лошади.

— Поверни еще раз!

Дуань Лин взмахнул поводьями, и Ли Цзяньхун сделал три последовательных выстрела. Вскоре внизу раздался крик: монгольский солдат упал с лошади, а за ним последовали три вопля, один за другим.

— Между первой и второй атакой ты должен быть быстрым, яростным и точным, — давал Дуань Лин указания на ухо Ли Цзяньхун. — Только тогда враг запаникует и не сможет определить численность противника. Если это будет всего одна стрела, они смогут догадаться, что это был один человек.

— Понятно.

Ли Цзяньхун и Дуань Лин пересекли ручей и преследовали армию на расстоянии вытянутой руки. Как и ожидалось, монгольская армия насторожилась и встала в строй, не желая необдуманно продвигаться дальше.

— Что нам теперь делать? — спросил Дуань Лин.

Сидя на лошади, Ли Цзяньхун достал из лацкана кремень.

— Удачное время и благоприятные погодные условия менее полезны, чем благоприятная местность, а благоприятная местность менее полезна, чем люди, работающие ради общей цели. Кто это сказал?

— Думаю, Мэн-цзы.

Ли Цзяньхун сосредоточился на ударе по кремню.

— Верно. Нужно использовать местность по максимуму. Раз уж они засели в лесу, естественно, мы будем их выкуривать.

В данный момент лес зарос вереском, листья осыпались на землю, над кустарником висел густой весенний туман, а подлесок был сложен слой за слоем, от влажного к сухому, груды друг на друге. Ли Цзяньхун поджег сухие листья под ногами, они затрещали, и огонь подхватило силой ветра; сгорая, он выпускал много белого дыма, и ветер уносил его в сторону

леса.

— Обрати внимание на того, кто одет не так, как остальные, — сказал Ли Цзяньхун, — это сотник.

Монгольские воины громко закашлялись, но их строй ничуть не дрогнул, и они выходили из леса, издавая при этом гомон. Но из-за распространяющегося повсюду дыма видимость была сильно ограничена, и вот из дымной мглы нагло вырвался боевой конь. Дуань Лин направил скакуна в строй противника, а Ли Цзяньхун, держа в каждой руке по мечу с длинной рукоятью, с головокружительной скоростью размахивал ими, и вдруг отовсюду брызгала кровь!

— Кидай лассо! — сказал Ли Цзяньхун.

Дуань Лин бросил веревку, и петля опустилась прямо на шею сотника; сто восемьдесят сотых* веса солдата едва не свалили его с лошади, но у Ли Цзяньхуна был зоркий глаз и ловкие руки. Он схватил веревку одной рукой, и Вань Ли Бэнь Сяо под градом стрел вынес их двоих из кольца окруживших их солдат.

* ~108 кг.

Дуань Лин все еще задыхался. Сотник был связан по шее и крепко держался за веревку, волочась по горным тропам.

— В армии Юань все строго. Если сотник умрет, его место займет второй командир пятидесяти человек. Так что даже не думай о том, чтобы брать его в заложники. Ни на кого из солдат это не подействует.

— Тогда для чего... для чего мы поймали... поймали его?

Дуань Лин все еще находился в состоянии шока, продолжая оглядываться назад.

Ли Цзяньхун потянул за веревку и, используя силу лошади, несколько раз обмотал ее вокруг верхушки дерева, завязывая узел, чтобы сотник повис на нем. Затем оба поскакали галопом, остановив коня на возвышенности, чтобы пронаблюдать за сотником на расстоянии.

— Это называется «охранять труп и атаковать подкрепление». Смотри внимательно.

Монгольская армия вышла из чащи, желая спасти своего сотника. Ли Цзяньхун наложил на лук шесть стрел и, когда враг добрался до сотника, мгновенно выпустил все!

Шесть стрел разлетелись, как метеоры, убивая все новых и новых врагов; противник был в полном замешательстве. Сотник, покрасневший, с диким криком бил по воздуху, а строй Юань

превратился в сплошной балаган. Они сразу же обнаружили Ли Цзяньхуна на склоне холма, но, увы, тот стоял спиной к ветру, и стрелы не могли его достать — оставалось только ретироваться.

Отступив, Ли Цзяньхун снова выпускал одну стрелу за другой и, словно кося рисовые стебли, убил еще десятерых.

Сердце Дуань Лина бешено билось в груди.

Ли Цзяньхун спросил:

— Ты понял?

— Я... я понял.

Дуань Лин кивнул, а его глаза были наполнены страхом.

— Не бойся.

Ли Цзяньхун опустил голову и поцеловал его в ухо.

— Мы убиваем людей, но и спасаем их. Если ты когда-нибудь увидишь, как монгольская армия захватывает город и убивает всех, кто в нем находится, то поймешь, что невозможно сказать, сколько жизней удалось спасти этими несколькими стрелами.

— Я знаю.

Дуань Лин и раньше слышал об ужасающем образе монгольской армии, истребляющей невинных, но то, что он увидел сейчас, слишком сильно поразило его.

— Не бойся убивать. Пока ты убежден в этом, правда на твоей стороне.

Ли Цзяньхун выпустил еще две стрелы и прикончил еще двух монгольских воинов. Противник не решался наступать, охваченный ужасом, но мог лишь отступить за пределы досягаемости его лука, беспомощно наблюдая за тем, как их вождя повесили и он испустил последний вздох.

Ли Цзяньхун продолжил говорить с сыном:

— Никто из этих людей не без крови на руках. Мы повесили его за шею, чтобы он не мог говорить — так он не сможет предупредить их, не сможет пожертвовать собой и сказать своим сородникам, чтобы они отступали.

Дуань Лин с трепетом принял это.

Теперь, когда у каждого монгольского солдата глаза покраснели от страха, но никто из них не решался сделать еще шаг, Ли Цзяньхун выпустил единственную стрелу, которая с расстояния в сотню шагов попала в веревку. Сотник упал в десяти чи от верхушки дерева, и тут же Ли Цзяньхун развернул коня и исчез за вершиной холма.

Монгольские воины бросились вперед, чтобы спасти своего предводителя. Дуань Лин уже собрался спросить: «Мы так и уедем?», как Ли Цзяньхун крутанулся на месте и снова появился из-за холма. На этот раз он использовал технику нанизывания жемчуга и выпускал стрелы, которые сыпались на солдат, пришедших спасать своего лидера, подобно проливному дождю. Вопли раздались все разом, трупы устилали землю, а кровь стекала ручьями под ноги. Потеряв всякое желание сражаться, монгольская армия быстро отступила.

— Это называется «обман», — сказал Ли Цзяньхун. — На войне никогда не бывает слишком много обмана.

Дуань Лин молча лицезрел происходящее.

Наконец Ли Цзяньхун выпустил последнюю стрелу, и она полетела в сотника, окончательно покончив с его жизнью.

— Пойдем.

Передовой отряд монгольской армии, состоящий из ста человек, каким-то образом был введен Ли Цзяньхуном в заблуждение и подвергнулся нападению, пока ему не удалось убить почти половину из них. Пока что они нервничали, как птица, взлетающая по звону тетивы, не решаясь на необдуманные поступки.

Вань Ли Бэнь Сяо исчез в горных лесах, пересекая заросли, а в ушах Дуань Лина все еще звучали предсмертные крики.

— Отец не хочет, чтобы ты бездумно убивал невинных.

— Но папа также не хочет, чтобы ты колебался перед лицом опасности, совсем не имея сил на борьбу. Иногда ты не можешь принять решение не потому, что не можешь, а потому, что не хочешь.

— Убивай тех, кого нужно убить, спасай тех, кого нужно спасти, даже если против тебя выступит миллион, смело иди вперед*. Никто на этой земле не сможет объявить тебя виновным, кроме тебя самого.

* Полная цитата: Размышляй над своими доводами, и если доводы твои здравы, то даже если

против тебя выступит миллион, смело иди вперед.

Голос Ли Цзяньхуна был глубоким, звонким и в то же время мягким, прогоняющим возгласы, отдающиеся в ушах Дуань Лина.

Солнце уже взошло, и его свет пробивался сквозь полог, мерцая над ними, проносился мимо подобно миллиону падающих звезд в безмятежной ночи и в мгновение ока исчезал.

— Сын мой, ты должен использовать свои глаза и ясно видеть.

— Жизнь очень коротка. Если ты живешь в этом мире, то у тебя нет другого выбора, кроме как столкнуться со многими ужасными и жестокими вещами.

В мгновение ока палящее солнце охватило их, словно огненный шар. Они выбежали из леса на огромную поляну. Лучистый солнечный свет окружил их, и, что удивительно, под их ногами раскинулось море облаков, накатывающих, словно волны, на вершину горы. Одна лошадь, несущая их двоих, казалась маленьким судном, пересекающим море.

— Когда ты сможешь подняться достаточно высоко, — спокойно произнес Ли Цзяньхун, — все останется далеко позади. Единственный голос, к которому ты должен прислушиваться, находится здесь...

Взяв в руки хлыст, он положил руку на левую сторону груди Дуань Лина и серьезно сказал ему:

— Слушай свое сердце. Не бойся.

В глазах Дуань Лина, словно волны, накатывающие на них, отражались горы и слоистая пелена. Он ощутил в этот момент нечто осязаемое: он был крошечным и ничтожным под защитой отца, но стоял на самой высокой точке мира. Все живые существа были не более чем отражением в облачном море под ним.

Ли Цзяньхун пустил коня рысью, и они медленно поехали по извилистым тропинкам на вершине горы.

— Я не боюсь, — сказал Дуань Лин.

— Я знаю, что ты уже убивал. Это было ради защиты Лан Цзюнься. Но ты так и не понял, что иногда убийство — это защита тех, кого ты никогда не видел. Эти люди не узнают, скольким ты пожертвовал ради них, находясь далеко-далеко от них. Возможно, даже за всю свою жизнь они не скажут тебе ни слова благодарности.

— Но папа считает, что ты все равно это сделаешь. Ты сделаешь это?

— Да.

Дуань Лин кивнул.

Они свернули за вершину горы и посмотрели вдаль. В конце непрерывной горной цепи виднелся монастырь, и здесь, под солнцем, он горел неистовым пламенем, вздымающимся в небо в непрекращающемся пожаре.

Дуань Лин произнес:

Он горит!

— Проклятье, мы пришли слишком поздно, — выругался про себя Ли Цзяньхун.

— Мы поможем?

— Будем надеяться, что мы не опоздали... Пошел!

Ли Цзяньхун пустил коня в галоп, и, петляя по извилистым тропинкам, они помчались к монастырю.

Этот старый буддийский храм обладал четырехсотлетней историей; давным-давно, когда мастер Мо Цзя отправился на восток из Сиюй, он разбросал семена буддизма по травянистым равнинам, а затем, выйдя на центральную равнину, преподавал сутры и передал свое учение. В старости он снова отправился на север, за Великую стену, и поднялся на самый западный участок гор Сянбэй пешком с помощью трости, желая отправиться еще дальше, в земли к северу от Желтой реки.

Неизвестно почему, но именно здесь он остановился и даже решил построить на вершине этого горного хребта монастырь. Согласно древним легендам киданей, до этого места не могли добраться птицы, и на протяжении последних нескольких сотен лет этот старый монастырь называли «Северным храмом».

Впоследствии, когда император-основатель Ляо шел на юг, он несколько раз останавливался помолиться в Северном храме, чтобы благословить свое вторжение на центральную равнину. После победы в битве на реке Хуай Великая Ляо построила столицы в Шанцзине и Чжунцзине; из большого уважения они перенесли священные писания и монахов Северного храма в Чжунцзин, основав Северный храм Просвещения в качестве национального монастыря. До сих пор здесь оставалось небольшое количество монахов бывшего Северного храма.

В настоящее время Северный храм был охвачен огнем, на земле валялись трупы, монгольская армия переворачивала все вверх дном, а перед залом Махавиры с ваджрами в руках стояло на страже небольшое количество монахов*.

* Зал Махавиры — это главный зал в китайском буддийском храме, а ваджра — разновидность церемониальной булавы.

Раздался конский вой, и Вань Ли Бэнь Сяо одним прыжком пересек море огня, врезаясь в главные ворота. Монгольская армия удивленно вскрикнула, а Ли Цзяньхун верхом на лошади развернулся в седле, чтобы выпустить сразу четыре стрелы, а затем быстро потянулся назад, выпуская еще две стрелы подряд и сбивая воинов за воротами.

— Закройте ворота! — прокричал Ли Цзяньхун.

Поначалу монгольская армия была сильно встревожена тем, что Ли Цзяньхун пришел на помощь монастырю, но страх исчез, когда они поняли, что это всего лишь один мужчина с ребенком, и они тут же достали оружие, готовясь к нападению. В тот момент, когда один из них собрался ударить Ли Цзяньхуна саблей по спине, Дуань Лин резко повернул лошадь к краю двора и нажал на курок арбалета, выпуская стрелу в правый глаз солдата. Монгольский воин вскрикнул и рухнул на землю.

Из большого зала донесся протяжный вздох:

— Амиабха.

Вдвоем они сошли с коней и вошли во двор. Ли Цзяньхун защищал Дуань Лина, атакуя, когда они отступали. Монгольские войска здесь были явно из основного состава, и их сила была не сравнима с предыдущей разведгруппой. Ли Цзяньхун повернул голову, а Дуань Лин воскликнул:

— Папа, смотри вверх!

В сторону Ли Цзяньхуна падала горящая деревянная балка, он согнулся и потянулся за спину, чтобы схватить ее тыльной стороной руки. Прямо во дворе он кружился, размахивая огромным огненным брусом с такой скоростью, что оно пронеслось по воздуху, и, казалось бы, без всякого умысла направлял ее то туда, то сюда — куда попадало это оружие, там солдаты тут же вылетали со двора, и кровь хлестала у них изо рта!

На ступенях Дуань Лин выпускал один заряд за другим, а храмовые стражники побежали к нему, прикрываясь крышками от кастрюль и деревянными досками. Ли Цзяньхун опустился ниже, пустил гигантский брус по кругу, и все монгольские воины отступили. Он взвыл, его голос был подкреплен силой истинной ци, а звук напоминал грохот раскалывающейся горы Тай — дрожь больно била по барабанным перепонкам.

Ли Цзяньхун выставил вперед обе ладони, и деревянная балка уперлась в солдат, выталкивая их наружу, а огромная сила вымела всех со двора. Он завершил удар еще одним движением ладони, и с громким взрывом дерево рассыпалось на искры, которые разлетелись во все стороны. Не выдержав удара, монгольские войска упали с обрыва.

Только услышав их крики, Ли Цзяньхун обернулся.

— Всем подняться на вершину стены, приготовить луки. Если они посмеют снова напасть, убейте их всех!

Охранники храма, которых осталось немного, заняли позиции высоко на стенах, а оставшиеся рабочие схватили ведра, чтобы помочь потушить огонь. Внутри Северного храма царила разруха.

— Что за генерал снаружи? — то был старый голос. — Война вот-вот начнется снова, и то, что кто-то еще помнит меня в такое смутное время, очень ценно. Пожалуйста, входите и давайте поговорим.

Дуань Лин обернулся и посмотрел на Ли Цзяньхуна, вспоминая, что он взял его с собой в это путешествие именно для того, чтобы «повидать старого друга». Тот кивнул, как будто точно знал, о чем подумал Дуань Лин.

— Да, это он. У старика скверный характер. Когда увидишь его, говори как можно меньше, а если захочешь его обругать, спрячься за спину отца.

Дуань Лин чуть не прыснул со смеху и кивнул ему; Ли Цзяньхун поправил его лацкан, разгладил складки на одежде, и, взяв его за руку, вошел в зал Махавиры.

В монастыре было довольно темно и издали доносилось потрескивание углей. Когда Ли Цзяньхун и Дуань Лин зашли внутрь, молодой служитель сначала подбежал к ним с медным тазом, чтобы они могли омыть руки. Они сполоснули руки, взяли у священника благовония и трижды поклонились статуе Будды.

Монах, отвечающий за обряды, взял в руки молоток, завернутый в ткань, и ударил им по медной чаше, издавая мягкий, резонирующий звук.

— Пожалуйста, заходите внутрь, — произнес монах.

И вот Ли Цзяньхун переступил через второй порог. В глубине монастыря, в самом конце ступеней, находилось внутреннее святилище с широко распахнутыми дверями. В самом центре на коврике для молитв сидел старый монах, а по обе стороны от него в один ряд расположились восемь монахов-хранителей, каждый из которых держал в руках молитвенный инструмент, бормоча и декламируя священные писания.

— О, это Ваше Высочество, — холодно бросил старый монах, — я не в том состоянии, чтобы встать и поприветствовать вас. Прошу прощения.

Услышав титул «Ваше Высочество», Дуань Лин был на мгновение потрясен, но, когда он

взглянул на Ли Цзяньхуна, тот казался совершенно невозмутимым.

— Это мой сын. Сын, выйди вперед и поприветствуй мастера Кунмина.

Дуань Лин вышел вперед и, как учил его глава школы, поднял обе руки над головой и поклонился.

Небольшая часть одежды старого монаха, которого называли «мастер Кунмин», сгорела, и от него с ног до головы пахло обугленными вещами. Он протянул руку в сторону Дуань Лина, тот оглянулся на отца, и Ли Цзяньхун жестом попросил его подойти ближе. Он присел на пол и подвинулся чуть ближе к Кунмину, и тот положил руку ему на лоб.

— Я благословляю на процветание тебя, — произнес Кунмин. — А ты благословишь на процветание всех людей, да благословят небеса вашу Великую Чэнь. Что ж, неважно.

Дуань Лин потерял дар речи.

— Ваше Высочество, говорите то, что пришли сказать, — добавил Кунмин. После этого он сделал жест остальным, и монахи-стражи поднялись со своих мест и вышли за дверь, закрывая ее за собой. Теперь во внутреннем святилище остались только Ли Цзяньхун, Дуань Лин и чтец Кунмин*.

* Собственно, 持咒 переводится как *Vhāṇaka*, что означает «чтец сутр».

Дуань Лин заметил, что левая рука Кунмина была опалена огнем, а кожа потрескалась и расслоилась, как уголь, обнажив темно-красную плоть, но тот, казалось, совершенно не чувствовал боли. Он протянул им молитвенный коврик своей целой рукой, и Дуань Лин взял его, позволив отцу сесть, а сам разместился на лодыжках позади него.

— Я проделал такой долгий путь, но вы как всегда негостеприимны, мастер. По крайней мере, вы должны подать нам чай и позволить мне промочить горло, не так ли?

— Я не ожидал увидеть Ваше Высочество вновь в такой момент. Прошлые обиды ощущаются так, словно были нанесены в прошлой жизни. Ваше Высочество, возможно, и отпустили все это, но я так и не смог.

— Вы монах. В конце концов вам придется отпустить то, что вы должны отпустить. Мастер, лучше смиритесь с этим. Это был всего лишь меч, нет?

Ли Цзяньхун взял чашку с чаем, когда послушник предложил ему ее, и, сделав глоток, передал ее Дуань Лину. Тому ужасно хотелось пить, и он осушил половину чашки одним махом. Он слушал их разговор, но его мысли все еще были заняты тем, что к его отцу обращались «Его Высочество».

Впрочем, «Его Высочество» его не пугало. В конце концов, все, кто посещал Прославленный зал, были либо принцами, либо членами правящей семьи. Хэлян Бо, Бату... он слышал, что все они принадлежали к правящим семьям. Но его отец сказал, что они ханьцы, а если он принц ханьцев... не значит ли это, что отец отца... император?!

Это единственное, что потрясло Дуань Лина больше всего, но тот факт, что у его отца была другая личность, не сильно меняло его в глазах сына. Он все еще он, а Дуань Лин все еще Дуань Лин. Это не могло изменить этот факт.

В молодости Кунмин отличался свирепым нравом, и старость, похоже, ничуть его не смягчила.

— Я сделал кое-что. Освободил тигра и позволил ему вернуться в лес. Пока не знаю, благословение это или проклятие, — и я подумал, что самое время навестить его. Я думал о том, чтобы посоветоваться с вами, мастер, о трех вещах.

— Ваше Высочество желает посоветоваться со мной о трех вещах, но сначала я хотел бы посоветоваться с Вашим Высочеством об одной вещи. Что значит, вы выпустили тигра на свободу?

— Я освободил политических заложников Борджигинов из Шанцзина.

Чтец Кунмин сразу же догадался.

— Верно. Монголы атакуют Ляо, а поскольку о военных подвигах Северного принца нечего и говорить, он, вероятно, не сможет противостоять силам Угэдэя*. Когда он вернется, он должен будет выместить свой гнев, убив Джучи. Так что это приемлемая оценка заслуг для вашей кармы. Ваше Высочество, самое время хорошенько смыть всю эту кровь с ваших рук.

* Угэдэй хан, исторически был братом Джучи.

Ли Цзяньхун вздохнул.

— Время для этого еще не пришло. Я спас жизни Джучи и его сына в обмен на то, чтобы он попросил у Темучина отряд кавалерии и временно направил его под Юйбигуань. Он должен выждать время, заключить союз с ханьцами и, по крайней мере, сдерживать подкрепление Южной Чэнь... если таковое будет. Это может быть выгодно монголам, ведь Угэдэй не хочет, чтобы на него нападали с двух сторон. Таким образом, когда монголы окружат Шанцзин, я смогу увидеться с Елюй Даши, и мне будет о чем договориться — помочь ему противостоять монголам и пообещать, что, вернувшись в Сычуань и вернув себе титул, я заключу союз с Ляо. Я смогу использовать это, чтобы одолжить у него войска для наведения порядка на юге. Без этого я не смогу завоевать доверие киданей.

— Похоже, Ваше Высочество решили вернуться на юг?

Чтец Кунмин поднял взгляд и пристально посмотрел в глаза Ли Цзяньхуну.

— Я не могу принять решение, и именно поэтому я пришел в Северный храм. Пока я здесь, я подумал, что могу попросить вас придумать имя для моего сына.

Чтец Кунмин обратил внимание на лицо Дуань Лина и долго его рассматривал. Ли Цзяньхун говорил много вещей, которые Дуань Лин не мог понять, но у него было ощущение, что чтец Кунмин не очень одобрял методы Ли Цзяньхуна, и что они всегда враждовали.

— К его поколению осталось очень мало Ли; мой сын — единственный, кто внесен в семейный реестр. Когда он был маленьким, то взял фамилию матери, Дуань, с одним иероглифом, и имя Лин. Я пришел просить вас оказать ему божественную защиту, чтобы его не постигло никакое несчастье и никакая беда, чтобы он вырос здоровым и сильным.

— Кто же родился в сансаре, не испытав ни бедствий, ни катастроф? Судя по иерархии семьи Ли, его поколение должно использовать травяной радикал. Как насчет Ли Жо?

Ли Цзяньхун, похоже, задумался над этим, а чтец Кунмин продолжил:

— Жому. Далеко на востоке Фусан, далеко на западе Жому; солнце должно зайти, прежде чем взойти; вытерпите бури и не бойтесь элементов стихий; в конце концов станьте хорошей древесиной для великого здания, что укроет мир*.

* Жо — это 卩, написанное с травяным радикалом сверху. Означает «подобный», то есть «такой, как». Что касается Фусан и Жому, то это названия бессмертных деревьев, расположенных на восточном и западном концах неба. Фусан — там, где солнце встает на востоке, Жому — там, где солнце садится на западе.

— Спасибо, мастер, что дали ему имя, — сказал Ли Цзяньхун, бросая взгляд на Дуань Лина.

Тот поспешно поклонился.

— Благодарю вас, мастер, за то, что дали мне имя.

Чтец Кунмин молча наблюдал за Дуань Лином.

Ли Цзяньхун добавил:

— Есть одна вещь, в которой я не уверен. Я хотел бы попросить у вас совета.

Чтец Кунмин сузил глаза.

— Давайте, спрашивайте.

— Могу ли я восстановить фундамент Южной Чэнь и возродить нашу огромную империю этим путешествием на юг?

Чтец Кунмин холодно процедил:

— И если я скажу, что нельзя, Ваше Высочество просто не поедет?

Дуань Лин так напрягся, что едва осмеливался вздохнуть. Он как бы понял намерения Ли Цзяньхуна по его словам. Он действительно собирался вернуться на юг?

Ли Цзяньхун слегка улыбнулся.

— Вы совершенно правы, мастер. Похоже, я был нетерпелив.

— Тогда позвольте спросить Ваше Высочество еще об одной вещи. После битвы под горой Цзянцзюнь о вас не было никаких вестей уже три года. Что заставило Ваше Высочество вернуться ко двору с победой именно сейчас?

— Потому что мой сын хочет вернуться в родные края. Только это, и ничего более.

— Папа!

Ли Цзяньхун повернулся и посмотрел в глаза Дуань Лину. Между ними всегда была такая связь, что слова были излишни, поэтому он уже успел догадаться, что Ли Цзяньхун хочет сделать.

— Я просто хочу, чтобы мы жили своей жизнью. Я не собираюсь настаивать на возвращении на юг.

— Сын мой, можешь быть спокоен.

— Ваше Высочество — разумнейший человек, ваши планы тщательны и основательны, и когда дело доходит до руководства войсками и ведения войны, вы почти никогда не проигрываете, но как я вижу...

Чтец Кунмин медленно покачал головой.

Выражение лица Ли Цзяньхуна слегка омрачилось.

Чтец Кунмин продолжил:

— Разумеется, под солнцем нет места, куда бы не ступала нога Вашего Высочества, и нет ничего, чего бы Ваше Высочество не смогли достичь. Остается только надеяться, что я ошибаюсь; даже если вы сделаете все, что в ваших силах, вам удастся достичь того, на что вы рассчитываете, лишь наполовину. Другая половина работы по созданию будущего фундамента Южной Чэнь ляжет на плечи Его юного Высочества.

Выражение лица Ли Цзяньхуна смягчилось, и некоторое время он спокойно размышлял, прежде чем медленно сказать:

— Колесо проходит полный оборот, и все будет обновлено; только так мир может процветать. Это должно было стать его обязанностью с самого начала.

— Если это так, то, полагаю, мне не нужно задавать третий вопрос. В мире никогда не было никого, кто мог бы предсказать судьбу человека, тем более моего сына.

— Правильное и неправильное, успех и неудача — все это уготовано судьбой, — сказал мастер Кунмин. — Причина и следствие, колесо перерождений — все это предписано судьбой. Судьба человека всегда была в его собственных руках...

Ли Цзяньхун снова замолчал. В этот момент Дуань Лин почувствовал в воздухе темноту, словно тень, исходящую от человека, который вот-вот умрет. Ему стало немного страшно, и он наклонился к Ли Цзяньхуну, а тот протянул руку и обнял его.

— Мастер? — спросил Ли Цзяньхун.

— Прежде чем мы расстанемся, я хотел бы дать Вашему Высочеству совет, — медленно произнес чтец Кунмин. — Самое твердое железо — самое хрупкое; гордыня предшествует падению. Когда солнце доходит до полудня, оно начинает садиться; когда луна полная, она начинает убывать. Вы должны помнить об этом...

Дуань Лин пристально глядел на чтеца Кунмина.

Ли Цзяньхун сказал:

— Меч, хранящийся в Северном храме, даже если вы будете держать его у себя, уверен, что он вам не пригодится. Почему бы вам просто не...

— Слишком поздно, — глаза чтеца Кунмина были закрыты, а голос глубокий. — Его уже забрал другой ученик, предавший нашу секту. Северный храм пал, достигнув зенита процветания. Если у Вашего Высочества будет такая возможность, пожалуйста, помогите мне навести порядок в доме и вернуть Дуаньчэньюань... всю свою жизнь я не мог оставить сансару позади...

Голос резко оборвался, и с тихим вскриком Дуань Лина чтец Кунмин боком упал на пол; он уже скончался.

Солнечный свет проникал сквозь разрушенную крышу монастыря и освещал тело чтеца Кунмина.

<http://bllate.org/book/15657/1400639>